

Елена Картунова

НАЙДИ СВОЙ ДОЖДЬ

сборник стихов

Елена Картунова
Найди свой дождь.
Сборник стихов

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22615634
ISBN 9785448305863*

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Автор славой не озабочен. Но любая деятельность должна быть подытожена. Поэтому данный сборник – что-то вроде отчета о проделанной работе. Основная цель создания книги – сделать подарок родным и друзьям. Но если кто-то еще заинтересуется сим трудом, автор будет приятно удивлен.

Содержание

О любви и грусти	6
«Найди свой дождь. Он в тысяче других...»	6
Забывтый вкус	7
От бури – зыбь	8
Давай поговорим	9
Забывать	10
Так проще	11
О нас	12
Начнусь рассветом	13
Возвращение любви	14
Спрятанный мир	15
Вселенская игра	16
Поймёшь ли?	18
И ты другой, и я давно другая	20
Солнце будет	21
Вот и всё	23
Сирены любви	25
О мечтах и летних снах	27
Расстаемся в первый раз	29
Сезон охоты	30
Песня о нас	31
Брежу	32
Эхо осени	34

Август	34
Бездомное лето	36
Лето, до свиданья	38
Я бы...	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Найди свой дождь

Сборник стихов

Елена Картунова

© Елена Картунова, 2017

ISBN 978-5-4483-0586-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

О любви и грусти

«Найди свой дождь. Он в тысяче других...»

Найди свой дождь. Он в тысяче других
почти неузнаваем.

Но однажды
придет, рисуя частые круги.
И ты поймешь – всё прежнее неважно.
Дожди иные – просто лишь дожди:
прольются и уходят безразлично.
А этот – он особый. Он летит
к тебе и только твой.

И хочет лично
открыться чудом, тихо рассказав
о маленьких рассыпанных загадках:
как трепетна небесная слеза,
как солнце выпивает без остатка
мгновения ажурной красоты,
неся в подарок влажные рассветы,
где в каждом из моментов – я и ты,
любовь и нескончаемое лето.

Забывтый вкус

Ты о любви? Забывтый вкус.

Я помню – не было покоя
и боль, и радость, и тоску,
и окрыленность, и оковы,
и распиравший горло крик,
и жар, и холод...

Отпустило.

Теперь смотрю на снежный пик.

Скажи, откуда были силы,
паря на уровне небес,
тягаться с ветром, трогать звезды?

Я вспоминаю о тебе.

Ты о любви? Не стоит, поздно.

От бури – зыбь

Нет боли? – Есть. Но к боли привыкают.
Печаль? – Саднит. Особенно зимой,
когда на небо рваными кусками
ложится мрак, и лунное клеймо
полоской света тучи прожигает
и гаснет, зарываясь в облака.

Любовь? – Была. Потом ушла другая,
рассыпавшись, как замок из песка.
От бури – зыбь. От жара – серый пепел.
Любить не надо. Пусто и легко.
И только боль, покусывая слепо,
собой теснит разъевшийся покой.

Давай поговорим

Верни меня туда, где всё понятно.
Туда, где мы еще не разминулись
в движении навстречу и обратно,
шагая в лабиринтах стен и стульев,
где просто говорилось и молчалось
в отрезках от рассвета до рассвета.
Верни к истоку нашего начала.
Там клады запечатанных ответов
на вздохи безутешного «сегодня».

Но чуда не бывает без оплаты.
А чем платить? Испорченной погодой?
У нас дожди над каждой новой датой.
То шторм, то наводнение...

Тревожно.

А хочется тепла и передышки.

Давай поговорим. Но осторожно.
Так страшно, если слово станет лишним.

Так проще

Ты где-то далеко – в других мирах,
за кружевом невиданных созвездий,
наверное.

Так проще думать.

Страх

тебя не ощущать, а только грезить
останется навязчивой тоской
о том, что укрывается за Небом.
Так проще.

И разрушенный покой
несмело оживляется целебным
желанием,

закрыв глаза, идти
по влаге опьяняющих рассветов,
чего-то ждать, ловя рукой дожди,
и радоваться бабочкам и лету,
и плакать беспричинно,

и скучать,
ночами ворожа, и свято верить,
что мы бессмертны, лишь умрем

на час.

Так проще забываются потери...

О нас

Ты помнишь, я твердила о любви,
а ты мне отвечал то вскользь, то вкратце?
Я шла к тебе, но ты остановил,
сказав, что неразумно приближаться.

Ты помнишь, я готовилась на взлет?
Но ты был увлечен другой вершиной.
И поезд укатился в небосвод,
Оставив крик прощальный в дымке синей.

Живу теперь – своя среди камней.
Слова мои в пустыне носит ветер.
И там они, сухие, без корней,
катаются, сплетаясь где-то вместе,
а где-то, зацепившись, ждут грозы,
чтоб дать ростки.

Авось, увидит Небо
и бросит вниз подобие слезы,
как нищему бросают корку хлеба.

Начнусь рассветом

Боль моя, куда тебя девать?
Бродишь по пятам, как божья кара.
Вот уже которая листва
жизнь палит октябрьским пожаром.

Каждый снег, и каждый новый дождь,
будто белый агнец ритуальный.
И любовь становится водой.
И ее, несбывшуюся, жаль мне.

Может, сплю? Течет незримо год
струйками песка по вялым пальцам.
Боль моя, ты слышишь, как поет
жалобно душа, живя скитальцем?

Пробужусь когда-нибудь, и боль
облаком развеется по ветру
и уйдет в ничто сама собой.
И тогда я вновь начнусь рассветом.

Возвращение любви

Там бродит одичавший лунный свет,
скользя по нескончаемому льду.
Там в каждом вздохе – сотни тысяч лет
с безмолвием бредут на поводу.

Там прошлое – в картинках витражей.
Ложатся вереницей имена
на полки в миллионы этажей.
И снегом опадает тишина.

Туда уходят бывшие дела,
безумие пророков и святых
и страсти, прогоревшие дотла.
Там вечности космическая стынь...

Несу туда последнюю любовь,
измученную. Грезится покой.
Устала. Ей бы сон да тихий кров.
Корзинку – на порог. Машу рукой.
Пытаюсь не оглядываться.

Нет!

Пускай – слепа, убога, но моя.
Её – к груди, как чадо, и – на свет,
из глаз больных высасывая яд.

Спрятанный мир

Расквасился день, обреченный на дождь.
Рассыпалось небо на мелкие капли.
И грусть, опираясь на тонкую трость,
взирает на мир из-под фетровой шляпы.

В лагунах ее фиолетовых глаз
скользят акварельно-прозрачные тени,
и весь накопившийся слезный запас
грозит превратиться в каскад наводнений.

А где-то расцвеченный прячется мир,
замазанный серостью вредной погоды.
Осталось разжечь заскучавший камин
и тихо бренчать на рояле по нотам,
представив, как в недрах живого огня
рождается море.

Под пламенем солнца
мы тесно сидим на горячих камнях.
А сердце бесстыже и радостно бьется.

Вселенская игра

Когда твой камин запылал, я подумала:
«Странно. Зовущее пламя змеится,
как ловчая сеть».

Бежали хрустальные искры по контуру граней
наполненных кубков.

Пронзала калёная весть.
Струясь, колыхалось горячее марево вздоха.
Поигрывал светом дремучий пещерный огонь
из диких времён, из далёкой звериной эпохи.
Стихия очнулась, а с ней первобытный дракон.

Ворочался ветер, неистово пробуя крылья.
Вода изогнулась, азартно горбятя волну.
И дрогнули камни. Клубы вулканической пыли
окутали разум, склоняя к беспечному сну.

Ответный огонь в бирюзовых тонах с позолотой
катался пантерой. Кровавился хмель в хрустале,
и плавилась горы. Дракон, обретая свободу,
то к небу взлетал, то, рыча, прижимался к земле.

Захлопали ангелы – дань кульминации пьесы.
Финал вычисляя, в аду заключали пари.
И только лишь Бог, наблюдая не без интереса,
лениво зевал над огнями вселенской игры.

Когда пропадает вера,
экс «бога» свергают наземь.
сминая его законы, и храмы, и алтари.

Поймешь ли, король шаблонов
и узких тисков Прокруста,
идею Творца различий,
вдохнувшего в глину жизнь?
Божественное исправить —
бездарнейшее искусство.
Но, может, она забудет... во благо твоей души.

И ты другой, и я давно другая

Всё – то же, всё – по кругу. День сурка.

Лишь время неизменно убегает.

Незримо изменяется река.

И ты другой, и я давно другая,

и мир не тот, и мысли подросли,

пустили корни, глыбами, не сдвинешь.

Хозяйничает в доме тихий сплин —

привычная, как воздух, половина.

Мы с ним срослись.

Бывает – убегу,

развеюсь и назад спешу с повинной,

чтоб рядом сесть на теплом берегу

и вдаль смотреть на мутные вершины,

о чём-то вспоминая.

Летний миг

подбрасывает свежие картины:

заката будоражащий кармин,

рассвет, одетый в дымку палантина.

А много ль надо страждущей душе? —

Дождя шепотку, ветра пряный привкус, —

и смысла всплеск на новом вираже.

А что до сплина... Он мне чинит примус.

Солнце будет

В голове, как в бочке, гулко.
То ли город взял в тиски
площадей и переулков,
тыча плоские мазки
лиц, авто, гнильё рекламы.
То ли старая печаль,
не истлевшая ни грамма,
притулилась у плеча
и бормочет заклинанья —
ни сбежать, ни отскрести.
Гнёт своё на первом плане
потускневшего пути,
как проклятьё.

Скинуть Богу?
Говорят, он всё решит,
и растает понемногу
злая опухоль души.

Говорят, для тех, кто верит —
кто умеет верить, он
осветляет краски сферы,
очищая горизонт.

Жаль, но верить не умею.

Время – доктор. Даже крест,
обесцвеченный до мела,
иногда теряет вес.

Остальное перетрётся.
Жизнь вопросами щедра —
не соскучишься. А солнце?
Будет. Прячется... Игра...

Вот и всё

Любовь живет на сто десятом небе.
Во сне пытаюсь вверх, но лишь парю
в падении.

Втекает серый пепел
сгоревшей ночи в новую зарю.

Но та, что наверху, зовет упорно.
Признаться бы, что веры нет и сил.
Характер нынче – дрянь, цинично-вздорный.

Далекая, ты лучше не проси.
Прошла пора, когда любилось просто,
как моря вздох, открыто и светло.
От прежних крыльев – твердый шрам коросты.
Хронически болит разбитый лоб.
Ну, что еще? Спасибо за надежду.
Хотелось бы – по звездному мосту...

А помнишь, как любила я прилежно?
Обидно – не узнать сегодня ту,
доверчивую, глупую.

Но тайно
хожу назад – к той прежней. И её
ругаю – ошибалась постоянно.
А та меня жалеет.

Вот и всё.

Сирены любви

Скажи, как долго дух весенний
тревожить будет море снов?
Опять опасные сирены
поют на рифах про любовь,
зовя корабль на погибель.
Зажать бы уши.

Где ты, страх?
Несётся бот безумной рыбой
на обветшалых парусах.
Назад!

Укачивают волны
под жадным взглядом хищных звёзд —
им любопытно.

Плеск солёный.
Неутешительный прогноз.

Сирены громче, рифы ближе.
В просвете – зыбкое «авось».
И ни одна из умных книжек
не даст ответа на вопрос,
как избежать ловушек мая.
Молюсь. Возможно, пронесёт.

Луна куражится хмельная.
Застыл на пенном гребне бот...

О мечтах и летних снах

Я всё о том же – о мечтах,
о летних снах и зимних сказках.
О том, как было хорошо наивно верить в чудеса.
Душа открытая проста. Летя на пламя без опаски,
сжигает крылья.
Лёгкий шок, непонимание в глазах,
была – и нет...

Но бывший прах
вновь торжествует птицей Феникс.
Ей – что вулканы, что потоп.
Одно желание – гореть.

Шагая радостно,
с утра искрится день – всегда весенний.
В стране за далью золотой
никто не знает слово «смерть».

Мы были рядом в тех местах.
Ты – пилигрим, а я – с драконом.
На небосводе всех начал горели звёздные слова.
Страница девственно чиста.
Мы здесь еще едва знакомы.

Роман в зачатке.
Лунный бал, где па сплетались в кружева.

Прошли века. Теперь мы здесь.

Что приключилось, я не помню.
Роман закончен кое-как.

Финал – искусство не для всех.
Душа уставшая – в гнезде.

Я без дракона. Ты – паломник.
Лишь та же млечная река
мерцает в утренней росе.

Расстаемся в первый раз

Разрывают сгоряча. Расстаются незаметно:
вроде было, да прошло – полустёртая строка.
Разрывают, – и тогда снег валит в разгаре лета.
Расстаются в тишине:

«чмок» бездушный и «пока».

Разрывали сотни раз, но от боли возвращались.
По привычке? По любви? —

Сразу и не разберешь.

Одиночества ледок да бессонница с печалью.
Там ещё была весна, и в разлуке плакал дождь.

Расстаемся в первый раз – улыбаемся с зевотой.
Обещания звонить и в глуши не пропадать.
То ли грустно, то ли нет. Гонят прежние заботы.
Что-то в памяти кипит и... уходит, как вода.

Сезон охоты

Не спрашивай, зачем приходит грусть.
Сезон охоты. Вышла за добычей:
осенний луч попробовать на вкус,
листву спугнуть попутно, – так, обычай.
На прочность испытать гнездовья звезд,
раскиданных под крышей небосвода
(вдруг выпадет птенец?)

И в полный рост,
добравшись до Луны, отведать меда.

Казалось бы, всего хватает, но
вынюхивает нежные изыски,
чтоб их, как первосортное вино,
нахально смаковать.

Вот сердце. Близко.
Там вкусоности горячие живут,
болезненно-ранимы, кровоточат.

Ей день дождя назначил рандеву,
неся ненастья лакомый кусочек.

Песня о нас

Из прозрачных дождей утро сшило рубашку
и надело её на холодный рассвет.
Разметало, как дым, раскалённые наши
встречи южных ночей... Сколько зим, сколько лет
Сколько лет...

Дни стекают песком. Полустёртые краски
на полотнах любви, где теряет листву
старый сад у пруда. А по кругу на связке
бродят стайки теней – сны о нас наяву.
Сны о нас наяву.

Но приходит порой призрак прежних признаний.
И садится у ног – слёзы счастья в глазах.
От вчера до сейчас вёрсты боли меж нами.
Я вернулась бы, но скрыты тропки назад.
Скрыты тропки назад.

Брежу

Найди меня, бездарно потеряла
свои следы.

Вчерашние пути
истоптаны, запутаны, а рядом
лишь эхо оголтелое летит.
Ждала рассвета, думала – поможет.
Но он кивнул на вянущий закат,
сметая за хребет ночное ложе
мерцающего звездного песка,
и в солнце растворился.

А светило
заполнено бушующим собой.
Стирает пятна бурями, как мылом,
разбрасывая пену.

И любовь,
затмения, разлуки, непогода —
ему, что пыль космических дорог.

Свернулся ветер в лоне небосвода.
К сосне не достучаться – за корой.
У туч – сиеста. Горы онемели.
Луна – в себе. Безумная волна
привязана к базальтовой постели
прибрежных скал – безвылазно больна.

Наверно, я такая же и брежу
о мире с именами «ты» и «я»,
зависнув безнадежно где-то между
галактик и земного бытия.

Эхо осени

Август

Это август бродит рядом, просто август.
Подготовка к желтой грусти сентября.
Переспевшие плоды скисают в брагу.
Пьяный ветер. Захмелевшая заря.

Сумасшедшие глаза в тумане боли.
Беспричинная тревога. Бисер слез.
Виноградная беседка, стул и столик.
Притаился нерешаемый вопрос.

Мысли – тучами, безжалостно кусают.
Раскрылатилась вселенская печаль.
И душа, полураздетая, босая,
одинокая.

Но ангел у плеча
нежно шепчет, утешая...

Знаю, милый.

Это август, репетируя тоску,
солит раны – где обманом, где-то силой,
отрывая от живого по куску.

Безутешная любовь уселась против.
Может, виделись однажды в легком сне.
Есть улики, говорит, в большом блокноте —
полустертые стихи, и все о ней.

Глупый август, мы теперь до зимней спячки
вместе будем выжидать из тишины
что-то важное. Но память ловко прячет
те ответы, что особенно нужны.

Бездомное лето

Лето глядит, как бездомная кошка.
Двери царапая, просится в дом.
Видно, рожденное в радостном прошлом
в тёплом уюте, грустит о былом.

Воля не в радость?

Да кто бы ответил.

Вроде, всё так же, но как-то не так.
Что-то ушло. То ли плещется в Лете.
То ли размыли привычку лета.

Я утешаю бездомное лето
и приучаю кормиться с руки
тёплой надеждой: проклюнется где-то
всё, что потеряно, – выйдут ростки.

Может, ко мне? Только там нынче осень —
очень ревнивая. Так что – бывай.
Лето кивает: «Пока, без вопросов.
Мой дом повсюду – кусты да трава».

Солнечным сфинксом лежит в полудрёме,
веря, – однажды хозяин придёт
и заберёт в рай надёжного дома,
чтобы заполнить собой горизонт.

Лето, до свиданья

Забыться тишиной и плакать морю,
упрашивая август об отсрочке.
Тепло уходит длинным коридором.
А осень, поднимаясь на носочки,
заглядывает в окна вечерами,
украдкой обстановку изучая.
Она уже готова к роли ранней,
особенно прохладными ночами.

А нам в ответ – сумбур воспоминаний,
успешно развалившиеся планы
и пепел неисполненных желаний
под мысли о несбыточном и странном...

И так всегда.

У времени – ни сердца,
ни жалости, ни капли сострадания.
Лишь только успеваешь отогреться —
и вновь разлука...

Лето, до свиданья...

Я бы...

Сиротливые клочья остатков тепла
паутиной накидкой ложатся на плечи.
Но осенняя шаль до смешного мала.
Да и миг, зачарованно спящий, не вечен.

Я могла бы сказать октябрю « подожди »
и прикинуться слабой, вздыхая и плача.
Но ему все равно. Он слегка пошутил,
мимоходом любя.

Поиграть – не задача.

Он безумно горяч в обещании благ.
И не хочется думать о завтрашней хляби,
где от золота праздника – тлен да зола.
Если б он был немного надежней, то я бы...

Желтый лист опустился в пустую ладонь,
отгоняя пугливую стайку видений
за далекий, волнующе-летний кордон.
Там всё просто, а счастье целует колени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.